

Светские богословы и дипломированные священники

СОТРУДНИЧЕСТВО ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

Реформы... Это слово сейчас уже, наверное, мало у кого вызывает положительные эмоции. Действительно, после прошедших десяти лет разнообразных преобразований и перестроек в области государственного строительства и законотворчества, в социальной и, в особенности, в экономической сферах становится как-то неуютно и скучно, когда слышишь об очередном планируемом переустройстве. А тут еще — реформа духовного образования! Переделка в такой области, которая, что называется, по определению ассоциировалась (даже в сознании нецерковных людей) с чем-то вполне традиционным и устоявшимся. Конечно, сразу же возникает множество вопросов, и не только в церковной среде. Это уже не новость: сфера церковно-государственных отношений — предмет пристального интереса как противников укрепления положения Церкви в нашем обществе, так и людей, сочувствующих ее нуждам.

Наглядным проявлением такого интереса — и в первую очередь со стороны государственной власти — стали прошедшие в начале октября в Москве и Сергиевом Посаде конференции, посвященные проблемам реформы духовного образования в России. С 9 по 11 октября в Московской Духовной Академии работала конференция «Реформа системы духовного образования Русской Православной Церкви», а параллельно ей в Москве, в Администрации Президента, состоялась конференция «Взаимодействие государства и религиозных организаций в сфере образования». Завершили свою работу оба форума совместным заседанием 11 октября в Московской Духовной Академии.

Почему государственные чиновники высшего уровня (а инициаторами проведения Конференции в Администрации Президента стали его Полномочные представители в Центральном, Приволжском и Южном округах, то есть, соответственно, Г.С.Полтавченко, С.В.Кириенко и В.Г.Казанцев) внесли в план своей работы участие в сугубо, казалось бы, церковном мероприятии? Какие цели преследуют власти, и чего ожидает от наметившегося

сотрудничества сама Русская Православная Церковь? Вообще, что за нужда реформировать систему духовного образования, успешно, по мнению многих, функционирующую уже не одно десятилетие? Как, наконец, изменятся отношения между Церковью и государством с точки зрения происходящих процессов? Ну, и, наконец, вопрос, интересующий уже не только и не столько «внешних», то есть людей нецерковных, но самих учащихся Духовных школ: что нового принесет реформа в их жизнь? Попытаемся ответить для себя на эти вопросы, опираясь на мнения участников Конференции как со стороны Церкви, так и государства.

ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ?

Прежде всего, конечно, стоит вспомнить о том, что духовное образование в России — это, несомненно, огромный культурный пласт нашей истории. Сложившееся в общих своих чертах примерно на рубеже XVII-XVIII веков, оно затем с большим или меньшим успехом выполняло свою основную миссию: подготовку церковных кадров, прежде всего священнослужителей. Не секрет, что первоначально система духовного образования была скопирована с западных образцов и поэтому не вполне оправдывала надежды, на нее возлагавшиеся. Как следствие — неоднократно проводившиеся реформы духовного образования, имевшие своей целью максимально приблизить в целом схоластическую богословскую науку к реальной церковной жизни. Напомним, что только за одно XIX столетие система духовного образования претерпевала реформирование трижды.

Историчекий аспект проблемы затрагивали в своих докладах многие выступавшие. В частности, доцент Московской Духовной Академии В.Д.Юдин отметил, что при планировании новой реформы духовного образования совершенно необходимо обращаться к уже имеющемуся опыту. Пусть дореволюционные реформы проводились в иных условиях, — полезной может стать сама концепция

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл

преобразований, имевшая своей главной целью, во-первых, дальнейшее развитие и упрочение традиций Духовных школ как центров подготовки прежде всего будущих пастырей Церкви, а, во-вторых, создание предпосылок для повышения уровня преподавания богословской науки. Это мнение разделяли и другие докладчики.

По словам митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, когда мы говорим о новом реформировании системы духовного образования, «речь идет о некоей норме: богословское образование должно быть достаточно динамической частью общей церковной жизни и развиваться в соответствии с тем, как развивается сама жизнь. Наверное, эту реформу нужно было провести давно. Может быть, идеально было провести ее в середине XX века, но не до реформ было тогда в Советском Союзе». Да, действительно, годы, когда «простому советскому человеку» небезопасно было даже появиться в церкви, не то чтобы учиться в семинарии, для дела реформирования Духовных школ были потерянными временем. Не надо забывать, что после десятилетий государственного атеизма церковная богословская наука во многом утратила свой прежний потенциал. Это ощущалось особенно остро в послевоенные годы, когда в Духовные семинарии поступали бывшие фронтовики — люди искренне и глубоко верующие, но по вполне очевидным причинам не блестяще образованные.

Митрополит Кирилл: «Мне довелось учиться у профессоров Санкт-Петербургской Духовной Академии, выпускников 1913–1917 годов. Они были промежуточным звеном, они нам еще рассказывали о том, как функционировала тогда Духовная школа, какие были традиции,

обычаи, каков был научный уровень. И эти профессора, хотя их оставалось очень немного, и большинство из них были травмированы репрессиями и личными страданиями предшествующих лет, сумели адаптировать высокий уровень дореволюционных богословских школ к весьма низкому общеобразовательному уровню абитуриентов, которые приходили в наши семинарии и академии после Великой Отечественной войны; иногда в шинелях, кирзовых сапогах, с незаконченным средним образованием. Какой греческий? Какая латынь? Надо было дать минимальные знания и вместе с тем все-таки не уронить общего уровня, не разрушить стандарт».

СТАНДАРТ, СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ, АККРЕДИТАЦИЯ...

Слово «стандарт» теперь уже прочно вошло в лексикон людей, занимающихся проблемами современного духовного образования, хотя и заимствовано оно из светского обихода. Собственно, именно об этом понятии, о его содержании и правильном его толковании, в основном, и шла речь на конференциях. Исторически в этом термине нет ничего нового. До революции под стандартом духовного образования (конечно, самого выражения «стандарт» тогда еще не было) подразумевалась некая сумма знаний по ряду дисциплин. Однако существовала довольно устоявшаяся и апробированная система преподавания школьного (то есть научного, систематического) богословия. Причем уровень получаемых в Духовных учебных заведениях знаний был очень высок. Это относилось, в особенности, к церковно-историческим дисциплинам и изучению Священного Писания и святоотеческих текстов.

В этих областях отечественные ученые-богословы преуспевали больше, находились в авангарде мировой богословской науки; в чем-то их достижения были менее значительными. Разумеется, так же, как и в светских науках, в богословии существовала и существует определенная специализация, разделение на основные направления исследований. Это вполне оправданная практика. Митрополит Кирилл: «Нельзя стать блестящим богословом вообще, как нельзя быть просто хорошим или блестящим математиком — даже самый образованный математик является специалистом в конкретной области. Каждый полководец хорошо знает: невозможно совершить прорыв на всем фронте — выбирается отдельный участок для атаки, и на этом участке концентрируется интеллектуальная, духовная, материальная сила. То же самое в науке, то же самое в богословии. Для того чтобы обеспечить эти прорывы на узких участках, для того чтобы достичь мирового уровня, необходимо иметь действительно сильную специализацию в Духовных школах».

Необходимость введения специализации — это притча во языцех Духовных школ. О ней столько уже говорилось и в высоких кабинетах, и в студенческих кельях, составлялось столько замечательных программ и проектов, причем не только за последнее время, но и в послевоенные годы, и гораздо ранее, в XIX веке. К сожалению, пока осуществлению этих планов не суждено было сбыться. Православная Церковь, пережившая в прошлом

Преподаватели Духовных школ обсуждают доклады

столетия тяжелейшие гонения, стремилась хотя бы минимально сохранить саму систему духовного образования. О завоевании лидирующих позиций в мировой богословской науке долгое время приходилось лишь мечтать. Справедливости ради отметим, что и в этих тяжелых условиях церковная наука подчас совершенно удивительным образом рождала в своих недрах выдающихся церковных ученых. Имена профессоров А.И.Саргарды, А.И.Георгиевского, Н.П.Доктусова, Н.Д.Успенского, протоиерея А.Ветелева и многих других — это наш «зал славы». Благодаря сохраненной ими и переданной ученикам живой традиции русского богословия и стало возможным посильное возрождение системы Духовных школ после Великой Отечественной войны и позднее, в период застоя. Хотя, по словам владыки Кирилла, «...то время нельзя было назвать застойным для нашего богословского образования. То был период накопления сил, концентрации мысли. Я думаю, все это и способствовало во многом тому, что в новую эпоху, когда наша Церковь оказалась в условиях свободы, появились и священники, и епископы, способные действовать в этих новых условиях».

«НОВЫЕ УСЛОВИЯ» И «ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»

Изменившиеся условия, о которых упомянул митрополит Кирилл, означают не только и не столько наличие благоприятной обстановки для усиления позиций Русской Православной Церкви в России, как об этом принято писать в кругах демократической журналистики. Церковь, как одна из наиболее влиятельных сил на современной политической арене, не может не участвовать в происходящих в России общественно-политических процессах, в том числе и в духовно-нравственном воспитании молодежи. Поэтому совершенно естественно ее стремление высказать свое мнение и по поводу нынешнего положения дел в системе духовного образования, коль скоро в ней обучаются многие тысячи юношей и девушек — наших сограждан. Плюс ко всему, вскоре

эти юноши и девушки сами станут воспитателями и преподавателями, понесут на своих плечах труд духовного просвещения.

Новые условия — это и прозвучавшее уже с высоких государственных трибун признание того факта, что достойное образование и, в более широком смысле, воспитание молодежи невозможны без опоры на традиционные для России ценности Православия.

Благоприятная особенность сложившейся ситуации еще и в том, что за последние двадцать-тридцать лет в среде верующих людей сформировалось целое поколение, духовно и интеллектуально способное к реализации сложных задач, стоящих ныне перед Церковью. При этом одной из основных целей является восстановление системы образования, как светского, так и церковного. Разумеется, восстановление это, допустим, в государственных вузах, мыслится не как реставрация старых советских схем (хотя они и до сих пор не кажутся нам столь уж малоэффективными — спрос на наших специалистов на западе говорит о высоком уровне их подготовки), но как возвращение к лучшим традициям, существовавшим в русском образовании и в советское время, и ранее. Почему же государство, формально и фактически отделенное в России от Церкви, столь недвусмысленно высказывается за сотрудничество с ней в деле образовательных реформ?

Вот, например, мнение С.В.Кириенко по этому поводу: «Во-первых, потому, что образование — это общая задача не только государства, но и общества, самых разных институтов общества, и, в первую очередь, религиозных организаций, Церкви. Во-вторых, потому, что за десять лет преобразований в России мы, видимо, тоже хорошо поняли, что все-таки «не хлебом единым жив человек». Комментируя эти слова С.В.Кириенко, добавим, что буквально в последний год-два в лексиконе российских политиков появился новый термин: «духовная безопасность». До сих пор власти были заняты обеспечением

Доцент МДА В.Д.Юдин готовится к выступлению

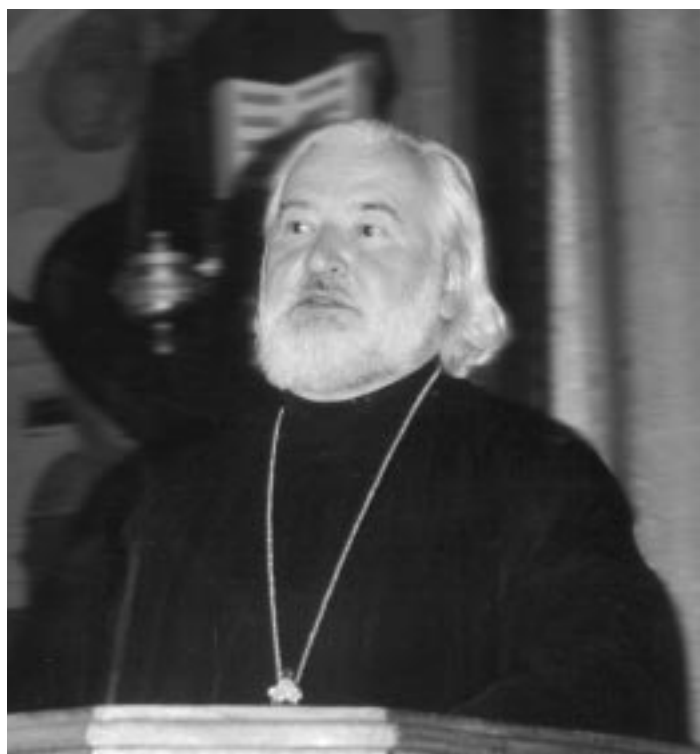
государственной, экономической или экологической безопасности страны. В последнее время все чаще упоминается об информационной безопасности. Но — духовная безопасность? Как сочетаются эти два слова? Дело ли государства — определять какие бы то ни было критерии, выносить суждения, относящиеся к области духовной жизни? «Да, государство не должно вмешиваться в дело конфессий, но государству не все равно, на основе каких нравственно-этических норм строится целостность страны, строится вообще российская государственность», — таково мнение С.В.Кириенко.

ТЕОЛОГИЯ = СВЕТСКОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

К сожалению, такое понимание проблемы нельзя навязать в качестве общеобязательного людям, далеким от Православия или внутренне обособляющимся от любых «конфессионально окрашенных» вопросов. Более того, даже в церковных кругах нет сейчас единомыслия по поводу целей и содержания намеченной реформы. Об этом говорил в своем интервью нашему журналу ректор Московской Духовной Академии архиепископ Евгений, отмечали этот факт и другие участники конференции. В частности, ректор Православного Свято-Тихоновского богословского института протоиерей Владимир Воробьев в своем выступлении отметил, что «...сначала, в первое время, надо сказать, большая часть епископов, клириков говорили: «А зачем это все нужно? Неизвестно, откуда ветер дует, что это принесет нам. Вот, мы тут хорошо сидим вместе, и у нас тепло и все в порядке. Что еще нужно? Зачем выходить за эти стены?» Было большое нежелание чем-то заниматься и недоверие к тому, что это даст, ведь мы привыкли всего бояться за этими стенами. Поэтому: а вдруг к нам сюда проникнут какие-то враги и все здесь перевероят, испортят нашу жизнь, — лучше не надо. Однако, такая позиция, вы сами понимаете, предрешает наше поражение». Кое в чем время было на самом деле упущено. Но, как выясняется, торопиться с внедрением новых механизмов тоже не стоит. Об этом участники форума скажут позднее.

Для осуществления реформы необходимо, разумеется, наличие определенных технических и организационных возможностей, но это не является определяющим фактором. По словам протоиерея Владимира Воробьева, законодательное обоснование, то есть та юридическая база, которая может или послужить аккредитации или, наоборот, воспрепятствовать ей, — это второстепенное условие успешного проведения реформы.

Гораздо важнее — найдутся ли в церковной среде те, кто согласится оставить уют и покой церковных или монастырских стен и, по выражению отца Владимира, «все-таки выйти за стены своего гетто, за эту колючую проволоку и попробовать как-то, как говорят теперь, интегрироваться в национальную государственную жизнь?» Прошедшая конференция во многом послужила именно тому, чтобы сомневающиеся или еще не задумывавшиеся над этой проблемой разрешили для себя такой важный

Ректор Православного Свято-Тихоновского богословского института протоиерей Владимир Воробьев

вопрос. Хотя и чисто технические моменты — сам механизм получения аккредитации и другие схожие проблемы — очень интересны. Так, например, по мнению протоиерея Владимира Воробьева, для облегчения прохождения всех необходимых формальностей и получения аккредитации нынешним Духовным школам удобнее иметь статус не религиозных организаций (как это принято сейчас), а негосударственных учебных заведений. Ректор Свято-Тихоновского института соглашается, что такое наименование не вполне соответствует предназначению Духовных школ, но — «можно бороться, спорить, доказывать свою правоту — и надо это делать, конечно. Но пока, нужно признать, такое толкование (статуса Духовных школ как религиозных организаций — Ред.) настолько распространено, настолько крепко сидит в сознании административных работников, что понадобится немалый срок, чтобы что-то изменить. И легче, пожалуй, пойти другим путем: изменить свой устав и назвать себя негосударственным учебным заведением. Это легче. Тогда законодательство нам никак не препятствует в получении аккредитации».

Вполне может оказаться так, что большую пользу состоявшийся диалог Церкви и государства принесет не церковным деятелям, не учащимся семинарии или академии, но, прежде всего, тем работникам государственной сферы образования, которые смотрят на перспективы введения в светских учебных заведениях теологического стандарта все еще с позиций научного атеизма. А идеологические штампы советского времени, как отмечали участники конференции, еще очень сильны в сознании многих людей. Например, порой совсем непросто бывает

объяснить какому-нибудь чиновнику, что отделение Церкви от государства, определенное российским конституционным правом, не означает, однако же, отделения Церкви от общества. Есть и более тонкие и не заметные на первый взгляд особенности современного законодательства, о которых полезно помнить.

О них достаточно полно и интересно говорил протоиерей Владимир Воробьев: «В основном законе нашего государства, Конституции, говорится, что наше государство — светское. И вместо ленинского Декрета «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» теперь в нашем законе сказано, что «религиозные объединения отделены от государства». Ничего не говорится в Конституции об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. Вы сами понимаете, что эти законодательные сдвиги очень большие, они дают нам огромные возможности. Но, опять-таки хочу обратить ваше внимание: сознание наше часто еще отстает, не только в Церкви, но и в администрации, даже в правительстве очень многие продолжают мыслить по-старому». Так что при необходимости всякому столкнувшемуся с чиновничьим рвением священнику или преподавателю надо быть готовым к тому, чтобы на понятном нашему оппоненту юридическом языке объяснить: Церковь у нас от государства не отделена. У нас отделены религиозные объединения, речь идет о технических вопросах, то есть государство не вмешивается в деятельность религиозных объединений. «А о том, что школа отделена от Церкви, — продолжает отец Владимир, — вообще речь не идет в законе. Так что у нас есть новые большие возможности».

«СВЕТСКОЕ» И «АТЕИСТИЧЕСКОЕ» — БЛИЗНЕЦЫ-БРАТЬЯ?

Другая подобная ситуация, возникшая в процессе разрешения проблемы, — непонимание многими государственными мужами разницы между терминами «светский» и «атеистический». Светский характер образования, прописанный в наших законах, воспринимается ими только в контексте отсутствия или даже неприятия в учебных курсах любых религиозных идей. Хотя нет ни одного документа и тем более закона, в которых бы говорилось о государственной системе атеистического образования. В результате многолетних обсуждений и споров руководство Министерства образования, наконец, согласилось, что «светское» и «атеистическое» — это вещи совершенно разные. Характерно в этом смысле высказывание С.В.Кириенко: «Да, в школах и в институтах исчез курс научного атеизма. Но если разобраться с мировоззренческими установками, заложенными в основу школьных программ, мы вынуждены будем признать, что онтологически и с точки зрения ценностного ряда, школьное образование построено на философии атеизма (даже если преподаватели не отдадут себе в этом отчета). И государство, поддерживая такое положение вещей, не создает сегодня равных условий для различных мировоззрений, а значит, нарушает заявленный

Работа в секциях

принцип равнодоступности и равноприближенности. Поэтому важнейшим вопросом с точки зрения общего образования — это одна из задач, которым была посвящена конференция, — является все-таки введение преподавания в общеобразовательных школах курса «Основы духовной культуры и этики» (это вариант названия, может быть, нужны какие-то другие слова). Заметим, что даже в стенах Московской Духовной Академии г-н Кириенко не посчитал возможным согласиться с принятым в Церкви названием этого предмета — «Основы православной культуры».

Несмотря на положительные сдвиги, практически процесс внедрения даже утвержденного стандарта теологии идет очень непросто. По мнению С.В.Кириенко, «Основы православной культуры» (или нечто подобное этой дисциплине по названию) в качестве школьного курса обязательно должно быть. В отношении же введения такого курса в вузах была высказана такая точка зрения: «Кроме конфессионального образования, то есть собственно подготовки священнослужителей, для государства принципиально важной является подготовка специалистов, которые, оставаясь светскими людьми, имеют хорошее богословское, или теологическое, образование. Поэтому наличие в общегражданских институтах и университетах кафедр, факультетов теологии и богословия является принципиально важным для государства. Было бы желательным, чтобы это преподавание велось как раз параллельно, то есть, чтобы люди, обучающиеся богословию (или теологии), находились рядом, в той же среде, в которой учатся специалисты других светских гуманитарных специальностей, потому что это полезно и тем, и другим. Например, сегодня, когда мы сетуем на непрофессионализм журналистов в вопросах религии, это очень часто объясняется не их злонамеренностью или злокозненностью, а просто отсутствием элементарных знаний, образования и подготовки. Это тоже важнейший вопрос для государства».

Министерство образования высказывается за то, чтобы учебные курсы, разрабатываемые для вузов, были поликонфессиональными. Это значит — не содержали бы проповеди того или иного вероучения и давали материал студентам, так сказать, с неким отстранением,

«объективно», как любят говорить сторонники «общечеловеческих ценностей». Возможно, такое видение вопроса возникает у государственных чиновников из-за неверного понимания целей, которые ставит перед собой Церковь. А она совсем не стремится с помощью законодательной казуистики «под шумок» проникнуть в стены государственных учебных заведений и начать там вербовку новых своих членов — это чисто сектантские методы, они Церковью не приемлются. Цель иная: помочь светским специалистам в составлении учебных программ по тем дисциплинам, которые традиционно разрабатываются именно церковной наукой. Зачем, в конце концов, государству изобретать велосипед, когда у Церкви есть богатейший опыт преподавания церковно-исторических и собственно богословских дисциплин, причем в самых различных вариантах и самой разнообразной аудитории?

С другой стороны, Церковь пытается добиться государственного признания существующей системы духовного образования. Иными словами — признания того, что уровень получаемого в духовных школах образования отвечает определенным стандартам, которые должно установить государство. Конечно, невозможно адекватно уравнивать собственно церковные учебные дисциплины с обыкновенными светскими курсами. Да это и не требуется. Речь идет о том, чтобы некий набор уже существующих в Духовных школах курсов общеобразовательных дисциплин был в установленном порядке оценен государством. В случае соответствия уровня преподавания этих предметов Духовные школы должны иметь право на выдачу своим выпускникам дипломов, признающих не только в Церкви, но позволяющих трудиться и в светском образовании. Государственный стандарт не затрагивает — да и не может затрагивать — «профильные» богословские дисциплины. Вот, собственно, и вся схема, в той ее части, которая касается духовных школ.

Интересен ответ С.В.Кириенко на поступивший ему из зала вопрос священника, окончившего Духовную академию и имеющего уже двадцатилетний опыт преподавания того, что мы сейчас называем «Основами православной культуры», в различных учебных заведениях. «Мы все понимаем, — сказал Полномочный представитель, — что, с точки зрения компетентности и профессионализма этого человека ничего лучше и придумать нельзя, ни один педагог, прошедший государственный вуз, не в состоянии будет преподавать этот предмет на таком уровне, но формально мы приходим в противоречие с законом. Значит, нужно решение о признании, нужен нормальный механизм утверждения диссертаций в ВАКе (Высшей аттестационной комиссии — Ред.), то есть, механизм признания старых диссертаций и защиты новых диссертаций по стандарту теологии, что, еще раз подчеркну, может позволить и государству взять на себя часть ответственности по финансированию образования, в том числе конфессионального».

Таким образом, озвученная С.В.Кириенко позиция государства, пусть и вполне прагматическая, позволяет надеяться на то, что в ближайшее время преподавание стандарта теологии в высших учебных заведениях

сможет приобрести какие-то осмысленные и приемлемые для Церкви формы.

Кстати, проблема государственного признания существующих в церковной науке ученых степеней и написанных студентами Духовных школ дипломных работ также поднималась на совместном заседании. Этому вопросу был посвящен доклад доцента МДА, профессора МГУ А.А.Волкова. Трудности, могущие возникнуть при этом, того же порядка: ВАК, рассматривающая кандидатские и докторские работы в области богословия, должна иметь в своем составе специалистов-теологов, а этого, скорее всего, в ближайшем будущем пока не предвидится. В целом, порядок прохождения всех необходимых для защиты научных работ формальностей (в том числе и дипломных — студентами семинарии) станет более сложным.

ЧТО ДЕНЬ ГРЯДУЩИЙ НАМ ГОТОВИТ?

Ну, и, наконец, то, что более всего интересует самих студентов Духовных школ — тех, кого реформа затронет самым непосредственным образом: как изменится их жизнь? Какие предметы предстоит им изучать по новым программам? На каких дисциплинах сделан будет акцент?

На нынешний момент ответить подробно и точно на все эти вопросы нельзя — еще слишком мало прошло времени, не все необходимые технические детали проработаны, а в принятых программах еще есть места, вызывающие у церковных специалистов определенный скептицизм. Об этом говорил и митрополит Кирилл: «При составлении стандарта, к сожалению, минимально была учтена традиция нашей богословской школы. Даже с точки зрения предметности. Предпринято совершенно правильное усилие: объединить предметы в некие широкие области знания. Но как будет реализован этот принцип, надо еще посмотреть. Поэтому у меня нет каких-то особых восторгов по поводу этого теологического стандарта». Что касается учебной программы семи-

За обсуждением докладов

нарии, то высказываются такие предложения: первые четыре года обучения будут посвящены преимущественно изучению тех дисциплин, которые и составляют государственный теологический стандарт. Надо при этом помнить, что не обязательно это будут литургика, догматика и прочие богословские дисциплины. Естественно, этим предметам будет уделяться определенное внимание, но все же углубленному их изучению, по замыслу авторов реформы, будет посвящен пятый год обучения. Как сказал об этом митрополит Кирилл, пятый курс «...должен быть исключительно пастырским. Если, допустим, в семинарии учится человек, который не хочет стать священником или, может быть, учится девушка (это вполне возможно), то достаточно закончить четыре года и получить диплом бакалавра. Если же студент хочет быть священником, нужно закончить пятый год — пастырский. Там будет изучаться: практическое руководство для пастырей, церковный устав, пение, основы канонического права, практические занятия, то есть все те дисциплины, которые готовят священника. Так вот, по окончании пятого года можно будет получать диплом специалиста, что соответствует нашему государственному диплому об окончании вуза».

Эта схема похожа на ту, что принята в светских вузах, где первые три года обычно отводят под изучение, так сказать, общих дисциплин, и только на последних двух, как правило, приобретаются знания собственно по профилю выбранной специальности. Конечно, вопросы есть и здесь: почему, например, желающим принять священный сан предоставляется лишь год для приобретения знаний по «специализации»? Затем, если диплом, соответствующий государственному вузовскому, можно будет получить только после пятилетнего

курса, то что будет ожидать тех, кто захочет учиться четыре года? Каков будет результат их учебы, неужели они не смогут получить «конвертируемый» диплом?

Кроме того, остаются пока и вопросы по поводу предметного наполнения семинарского курса обучения. Несомненно, для будущих священников необходима филологическая подготовка, о которой много говорится сейчас. Непонятным остается следующее: отчего при увеличении (многократном, как планируется) почасовой нагрузки в изучении древних и новых языков параллельно уменьшается количество часов, отводимых на изучение догматического, основного богословия, Священного Писания, святоотеческих трудов, то есть всего того, что и составляет основу богословского образования? Видимо, планируется наверстать это на последнем, пятом, курсе. Обоснованность такого подхода может быть проверена только со временем, о чем, собственно, и говорили неоднократно участники конференции.

Здесь позволим себе кратко обратиться к историческому опыту Церкви. В свое время митрополит Алексей (Симанский), будущий Патриарх, так высказался по поводу дореволюционного опыта системы духовного образования. «Прежняя Духовная школа была школой серьезной, глубокой, строгой, а в иных случаях и суровой школой. Добрая ей память, честь и слава. ...Слабой стороной прежней Духовной школы было то, что она имела двойственную задачу. Это была школа сословная; она имела задачей дать возможность духовенству, сословию, в общем, бедному, на льготных началах давать воспитание и образование своим детям; другой задачей ее было создавать кадры будущих священнослужителей. Понятно, что не каждый сын священника, или диакона, или псаломщика имел склонность к пастырскому служению, к тому, чтобы следовать по стопам своих отцов и предков, и от этого получалось, что такие подневольные питомцы Духовных учебных заведений вносили в них дух, чуждый церковности, дух мирской, снижали тон его церковного настроения. С другой стороны, и само руководство допускало несвойственные строго Духовной школе послабления в отношении режима и общего внутреннего уклада. И получалось, что наши Духовные школы носили полусветский характер, который отражался на всем строе — учебном и воспитательном. Теперь же так не должно быть, и так не будет. ...Весь строй этих школ должен быть строго церковным, без всякого уклонения в сторону мирского, светского уклада, и все питомцы нашей школы должны будут ему подчиняться».

Нужно, разумеется, делать определенную скидку на особенности послевоенного времени, когда само существование Духовных школ было еще под вопросом, но, как кажется, эти слова в каком-то смысле не потеряли своей актуальности и донныне.

Высказываются иногда опасения, что в будущем, после завершения четырехгодичного курса обучения мало кто из студентов Духовных школ пожелает продолжать учебу для приобретения необходимого для священства образовательного минимума. Или, по крайней мере, желающих будет меньше, чем сейчас, ведь даже без пятого курса полученное в духовном учебном заве-

дении образование будет иметь определенный государственный статус, и выпускник сможет найти себе применение уже после четырех лет учебы. В этом смысле авторы реформы, как кажется, правы в том, что они не боятся уменьшения числа стремящихся к пастырскому служению. Ведь в новых условиях решение посвятить себя этому нелегкому делу будет приниматься тем или иным молодым человеком с учетом реальной альтернативы в виде возможности трудиться на поприще церковной науки, преподавания или в иных сферах деятельности, соприкасающихся с церковной жизнью, — то есть совершенно осознанно.

В конце концов, не столь важно, где, на каком месте будет подвизаться тот или иной выпускник Духовных школ. Главное, чтобы он после нескольких лет, проведенных в семинарии или академии, вышел за ограду своей школы, будучи способным воплотить в конкретном деле теоретические знания, накопленные им за годы учебы. Чтобы эти знания стали мощным и функциональным инструментом для проповеди. Пусть, повторимся, эта проповедь будет звучать и не с церковного амвона, а его богословие будет не академическим — в традиционном понимании. В современном наукообразном языке для такого рода богословия найдено название — «контекстуальное». Разъяснил содержание этого понятия митрополит Кирилл: «Возьмите «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» — это и есть контекстуальное богословие. Это то самое богословие, которое живет. Верующий, неверующий открывает, читает — и ему все становится ясным. Ему ясно, почему Русская Церковь против аборта и эвтаназии. Ему ясно, почему у Русской Церкви есть свой комментарий к глобализации, и в каком смысле Церковь не приемлет глобализацию». Добавим от себя, что для Русской Православной Церкви одним из основных направлений деятельности является сейчас так называемая внутренняя миссия, то есть проповедь Евангелия нашим соотечественникам, оказавшимся вне церковной ограды в силу полученного ими атеистического воспитания. А вести эту миссию необходимо на доступном современному человеку языке — это азбучная истина. Понятным же язык нашей проповеди будет тогда, когда он будет опираться на Священное Писание, Предание,

традиции Церкви, когда наше богословие будет не схоластическим, но живым, прочувствованным нашим сердцем. Вот это и есть, по выражению митрополита Кирилла, контекстуальное богословие. «Вот такое богословие, — подчеркнул он, — мы должны развивать, таким богословием должны быть вооружены выпускники наших Духовных семинарий и академий. Тогда место Церкви в обществе будет другим. Тогда нам не нужно будет бояться заезжих миссионеров».

Действительно, без приобретения живого духовного опыта, дающего человеку мировоззренческую и нравственную опору в жизни, любые научные достижения, в богословии в том числе, будут как минимум малоэффективны. «Всякая реформа богословского образования, — по мнению владыки Кирилла, — будет действительна в том случае, если, находясь в Духовной школе, мы будем воспитывать не только свой ум, но и свое сердце, и научимся быть современными православными христианами».

* * *

По окончании заседания была организована пресс-конференция, на которой выступавшие ответили на вопросы аудитории. Более подробную информацию (доклады участников) можно найти на портале Учебного комитета (<http://www.bogoslov.ru>).

Духовное образование: начало пути

Михаил Моисеев, III курс МДА